

Шуган Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
oshugan@rambler.ru

СТАРЫЙ И НОВЫЙ КАВКАЗ ГЛАЗАМИ А.М. ГОРЬКОГО (очерки «По Союзу Советов»)

В статье рассматривается первый очерк цикла М. Горького «По Союзу Советов», в котором получила развитие тема сопоставления старого и нового Кавказа. Писатель приспособляет жанр путевого очерка к идеологическим задачам – показу достижений советской власти в промышленности кавказского региона, пропаганде новой культуры. Горький подает воспоминания о старом времени в виде «лирических отступлений», которые создают многомерную и выразительную картину жизни Кавказа конца XIX столетия. Показано, как «социальный заказ» вытеснил художественность: описывая старый Баку и «Тифлис многобалконный» XIX века, Горький использует богатую писательскую палитру, в то время как показ современных предприятий – «Азнефть», гидроэлектростанции и т.д. – по стилю напоминает официальные газетные статьи. Мы можем рассматривать очерки «По Союзу Советов» через двойную призму: через призму авторских воспоминаний, а также через призму его статей о Кавказе в провинциальной печати конца XIX в., наконец, через призму его переписки и мемуаров современников. Внимание к деталям, авторским ремаркам и «лирическим отступлениям» открывает «подводные течения» агитационного очерка.

Ключевые слова: «По Союзу Советов», старый и новый Кавказ, достижения советской власти, путевые очерки.

Очерки «По Союзу Советов», опубликованные в журнале «Наши достижения» – только часть более крупной серии очерков, планировавшейся Горьким. Еще в Италии у него созрел грандиозный замысел. 10 октября 1927 г. он писал в Госиздат: «Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для неё много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать – невидимым – на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т.д. и т.д. Это – серьёзнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения» [3, с. 103]. 28 мая 1928 года М. Горький впервые приехал в Москву после длительного отсутствия. В июле того же года он отправился в поездку по СССР: побывал в Курске, Харькове, в Курьяжской колонии имени М. Горького, руководимой А.С. Макаренко, на Днепрострое, в Ялте, Симферополе, Донецком бассейне, Баку, Тбилиси, Ереване, Сталинграде, Казани, Н. Новгороде и Ленинграде. Он записывал свои впечатления, которые потом составили путевой цикл. Этот цикл, объединённый общим заглавием «По Союзу Советов», включает в себя пять очерков, написанных в 1928–1929 годах. В рукописях и в материалах редакции журнала «Наши достижения» сохранились более ранние названия цикла: «По старым местам», «По СССР», «На родине».

Первый очерк цикла Горького «По Союзу Советов», опубликованный в 1929 г. на страницах «Наших достижений», посвящен Кавказу. Кавказ занимал особое место в биографии Горького уже потому, что в Тбилиси случился его литературный дебют: первый рассказ «Макар Чудра», который был опубликован в газете «Кавказ» 12 (24) сентября 1892 г. «Тифлис – город, где я начал литератур-

ную работу, – вспоминал позднее писатель. – Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора» [4, с. 414].

Поездка Горького по Кавказу в 1928 г. была очень насыщенной. 20 июля он приехал в Баку и прямо с вокзала поехал на промысла Азнефти, а вечером осматривал город. За неделю, с 20 по 27 июля он побывал в десятке мест, посетил Баку, Тбилиси, Ереван, Караклис, проехал по Военно-грузинской дороге, Делижанской долине, побывал на многочисленных официальных встречах. Так, 21 июля он выступал на пленуме Бакинского совета, 24 июля встречался с писателями Грузии, 26-го – с писателями и поэтами Армении, выступал на митинге в Саду коммунаров. 27 июля выступал на пленуме горсовета в Тбилиси.

Конечно, визит Горького на родину не был визитом «знатного иностранца», чего он очень боялся. Он совершил поездку по стране с агитационно-пропагандистской целью, о чем говорят многие его современники и сам автор очерков «По Союзу Советов». Тбилисские газеты того времени сообщали: «Горький приехал к нам не как гость <...> он приехал сюда как работник, и как нужного ценного работника, как большого мастера, как высокий авторитет встречают его» [8, с. 26]. В этот период писатель задумал издавать журнал «Наши достижения» и приступил к его воплощению. Он предполагал привлечь к сотрудничеству известных писателей и призывал их сменить перо романистов на острое перо очеркистов. Писатель считал форму очерка одной из самых трудных, сочетающей документальность и образность. Он хотел изменить неверное представление об очерке как о низшем виде

литературы, посвящал этому жанру выступления и статьи в журнале «Литературная учеба». Среди важных принципов, по которым строится очерк, он выделял объективность, точность изображения, глубокое знание предмета, о котором пишет автор, а также свой собственный взгляд и стиль.

В цикле «По Союзу Советов» Горький развил жанр путевого очерка, поставив его на службу советской пропаганды. Советский очерк в журнале «Наши достижения» должен был показать, чего достигла страна в промышленности и сельском хозяйстве, на фабриках и заводах, в шахтах и нефтяных промыслах, на суше и на море. Поэтому необходимыми составляющими были пропагандистский пафос и прославление трудового героизма людей.

Во очерках «По Союзу Советов» Горький с большим мастерством применил излюбленный принцип контраста, противопоставив старый дореволюционный образ жизни новому. Очерки, в которых описываются личные впечатления автора, отличаются собственным взглядом на происходящее, выразительными деталями, черточками, ярким описанием фона и демонстрируют эмоциональную вовлеченность писателя в происходящее. Этим объясняется сила воздействия этих произведений на читателя. Противопоставление двух миров, двух систем намечено по трем линиям: социальная справедливость, ликвидация национальной розни, рост сознательности рабочих в СССР.

Современники неоднократно отмечали, что у писателя была феноменальная память. Раз увидев что-то, он уже этого не забывал. Поэтому он вызвал к жизни события 30-летней давности – свои первые приезды на Кавказ. Но перед ним стояла другая задача – «разоблачить» прошлое силой настоящего, т.е. доказать, что новая жизнь гораздо лучше старой. Писатель подает воспоминания о дореволюционном времени в виде «лирических отступлений», которые, будучи искусно вкраплены в очерк, создают многомерную и выразительную картину жизни Кавказа конца XIX столетия.

Очерки «По Союзу Советов» оказались малоубедительны именно по этой причине: сила эмоционального воздействия прошлых воспоминаний «перекрыла» современные впечатления. Увиденное писателем в 1928 году его никак не тронуло, не вызвало в нем ответных эмоций. Художественные приемы заменили агитационные призывы, лозунги, описания были выхолощены и напоминали сухой стиль путеводителей.

Попробуем доказать это на конкретных примерах.

В 1892 году А.М. Горький впервые приехал в Баку в поисках работы. Первая встреча с городом произвела на него сильное впечатление, его удивила тяжелая жизнь бакинских нефтяников, невыносимые условия работы. Горький отказался от намерения искать работу в Баку. Летом этого

же года он покинул город. О своем первом путешествии Горький вспоминал в очерке «По Союзу Советов» (1928 г.): «В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устранившегося разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я – не шучу. Впечатление было ошеломляющее» [1, с. 317]. Горький описывает ситуацию после пожара на нефтяных промыслах, когда над вышками еще стояла туча дыма. Рабочие, выпачканные нефтью, блестяли на солнце и напомнили писателю муравьев. Картина труда, которая восхищала Горького в казанском порту, в Баку вызывала отторжение, казалась отупляющей: «Человек десять полуголых рабочих, дёргая верёвку, тащили по земле толстую броневую плиту, связанную железной цепью, и угрюмо кричали:

– Аа-`а! Аа-а`а!

На них падали крупные капли чёрного дождя. Вышка извергала толстый чёрный столб, вершина его, упираясь в густой, масляный воздух, принимала форму шляпки гриба, и хотя с этой шляпки текли ручьи, она как будто таяла, не уменьшаясь. Странно и обидно маленькими казались рабочие, суетившиеся среди вышек.

Во всём этом было нечто жуткое, нереальное или уже слишком реальное, обезмысливающее. Федя Афанасьев, плюнув, сказал:

– Трижды с голода подохну, а работать сюда – не пойду!» [1, с. 318–319].

В 1897 году Горький вновь приехал в Баку и посетил нефтяные промысла. Вот как писатель вспоминал об этом: «...На промысла я попал через пять лет с одним из сотрудников газеты “Каспий”; он обещал рассказать мне подробно обо всём, но, когда мы приехали в Сураханы, познакомил меня с каким-то очень длинным человеком, а сам исчез» [1, с. 319]. Сотрудником газеты «Каспий» был знаменитый ученый и публицист Гасанбек Зардаби. Он пригласил писателя к себе домой. Его дочь Гариб Солтан Меликова позже вспоминала, что Горький приезжал вместе с Шаляпиным, что встреча «дорогих гостей» прошла торжественно.

В очерке «По Союзу Советов» Горький описал и второе впечатление от Баку как картину ада: «Весь день, с утра до ночи, я ходил по промыслу в состоянии умопомрачения. Было неестественно душно, одолевал кашель, я чувствовал себя отравленным. Плутая в лесу вышек, облитых нефтью, видел между ними масляные пруды зеленовато-чёрной жидкости, пруды казались бездонными. И земля, и всё на ней, и люди – обрызганы, пропитаны тёмным жиром, всюду зеленоватые лужи напоминали о гниении, песок под ногами не скрипел, а чмокал.

И такой же чмокающий, сосущий звук «гартанья», истекая из нутра вышек, наполняет пьяный воздух чавкающим шумом» [1, с. 319]. Скрип буровой машины, грохот железа под ударами молота, душный воздух усиливали мрачное впечатление. Если в первый приезд будущий писатель хотел наниматься на работу, то в 1897 г. он уже приехал с заданием от газеты и намеревался написать репортаж. Поэтому он осмотрел город более подробно. Что же увидел писатель? Грязные убогие жилища, похожие на пещеры, нищету, кучи мусора и отбросов и полуголых чумазных детей, месящих нефть в лужах. «Ни одного цветка на подоконниках, а вокруг ни кусочка земли, покрытой травой, ни дерева, ни кустарника». Впечатления были до того жуткие, что Горький, уезжая из города, испытывал желание поджечь его, чтобы огонь «уничтожил Сураханы, Балаханы, Романы, всю эту грязную сковороду, на которой кипели, поджаривались тысячи измученных рабочих людей» [1, с. 319].

Образ ада и жуткие картины, вызывающие в памяти сказки про людоедов, сдобренные яркими эпитетами и сравнениями, призваны оттенить зрелище осмысленного труда, который Горький наблюдал через 30 лет, в 1928 г. на «Азнефти». В Баку Горький приехал 20 июля 1928 года. Рано утром, прямо с вокзала, он поехал на промысла Азнефти, а вечером осматривал город. 21 июля писатель выступал с речью на пленуме Бакинского совета. На следующий день беседовал с рабочими. 22 июля писатель выехал в Тбилиси. На «Азнефти» его поразили тишина и безлюдье, вместо грязных возбужденных людей писатель увидел деловитых и спокойных рабочих, которым удалось потушить пожар за 12 минут. В рабочем поселке росли деревья и цветы, жилища были построены фундаментально.

Очерк «По Союзу Советов» можно разделить на две части: прошлое и настоящее Баку. Нельзя не заметить, что первая и вторая части очерка резко отличаются друг от друга. Когда Горький описывал прошлое, он внутренне озарялся: картина наполнялась яркими эпитетами, сравнениями, меткими словечками рабочих. «Плотники тесали бревно, поблескивая щекастыми топорами, строилась ещё одна буровая вышка, по скелету её влезал чернобородый мужик, босой, без рубахи. Он держал в зубах конец верёвки, а руками хватался за рёбра вышки и тяжело, неловко лез всё выше; на земле, в луже грязи оливкового цвета, стоял старичок со связкой верёвки в руках, разматывая её, – похоже было, что он запускает бумажного змея.

– На небо не залезь, – крикнул он чернобородому, а тот, сверху, густо, громко и серьёзно ответил: – Не бойсь» [1, с. 319].

Бешеная суэта людей, измазанных нефтью и похожих на муравьев, шум и ругань – все это наполнено жизнью и настолько достоверно, что кажется,

что писатель увидел это только что. Люди на новом промысле говорят суконным языком плакатов, изрекают истины, они абсолютно бесцветны, – от увиденного создается впечатление опытной лаборатории, а не нефтяного завода. «В коробке греется нефть, – слышит он “чужие” слова, – с другой стороны вы увидите, что мы получаем из этого» [1, с. 324]. Даже во время пожара не было суеты и паники: пожарные работали «с немецкой выдержанностью». На «Азнефти» художник в Горьком молчит, а говорит бездушный «агитатор». «Немецкая выдержанность», «эпическое спокойствие» – все это способно вызвать скуку, а не радостное чувство единения в работе, героический пафос созидания.

Сопровождающего писателя человека «без лица», помощника заведующего промыслами, Горький уважительно называет «товарищ Румянцев». Этот старый большевик начинает знакомство с нефтяным заводом с политинформации. Писателю он интересен не как человек, а как классовый тип, поэтому он «*один из тех* (курсив мой – О.Ш.) рабочих, которые воспитывались подпольем, затем – на фронтах...». Товарищ Румянцев произносит лозунги: «Замечательно объединяет людей работа...», «мы все-таки люди классовой ненависти» и т.д.

Рядом с этим «политруком» Горький совершенно меняется и тоже начинает мыслить лозунгами, точнее – заголовками будущих статей в газетах. «Я подумал: “Вот прекрасная тема для молодых писателей: труд «на будущее», уничтожающий личную ненависть коренных врагов, – труд, который объединяет их в процессе создания новой культуры”». Социальный заказ выдают суконные вопросы, «агитки», газетные штампы: «На языке моём вертелся вопрос, давно и глубоко волновавший меня: “Чувствует ли себя рабочий – и в какой мере чувствует – хозяином?”», «...не очень много людей, которые, делая своё небольшое дело, ясно сознают значение своей работы в общем потоке труда». Горький в очерке «По Союзу Советов» не изображает, как будто готовится к выступлению на пленуме Бакинского совета.

Понятно, что на новом месте писатель ничего не узнает. Внутреннюю отчужденность от увиденного передает «холодный» индустриальный пейзаж – «Куда ни взглянешь – всюду цистерны, железные колонны, связанные дугообразными трубами, всюду растут каменные стены» [1, с. 327–328]. Его поразили тишина и безлюдье. Писатель словно оказался заперт в железобетонном склепе. Где же фонтаны нефти, чумазные рабочие? Писатель ждал пропитанных нефтью людей, а вместо этого он увидел «фантастический», но совершенно чужой мир.

Осмотрев новый завод, он едет в рабочий поселок, туда, где он сможет, наконец, узнать, как рабочие отдыхают после трудовой смены, увидеть их

семьи, услышать смех детей. И снова вместо живой картины перед нами газетный штамп: «Из всех опытов строительства жилищ для рабочих в Союзе Советов наиболее удачным мне кажется опыт “Азнефти”» [1, с. 327]. «Рай», созданный советским государством для рабочих «Азнефти», представляет собой настоящее военное поселение: «Издали поселок Разина похож на военный лагерь: одноэтажные домики на серой земле, точно палатки солдат <...> широкие бетонированные улицы...» [1, с. 327–328]. Хотя Горький добавляет ко всему этому эпитеты «красивый», «прекрасный», «умелый», «культурный», тишина и безлюдье поселка говорят об обратном. Дома есть, в палисадниках растут деревья и цветы, но нет ни одной живой души. Есть площадки для игр, но играть на них некому. В конце XIX века в старых бараках кипела жизнь, в лужах нефти копошились детишки, а нынешнее военное поселение производит впечатление мертвого города. Есть «заказанное» упоминание об интернационализме рабочих: семьи тюрков живут бок о бок с русскими. Горький рисует светлое будущее, но оказывается, что в социалистическом «раю» национальностей вообще не будет: ни тюрков, ни русских, а будут только люди, объединенные идеей всемирного братства рабочих. Такой прогноз потери национального лица и превращение людей из «военного лагеря» в однообразную массу уже сродни антиутопии Оруэлла.

Сравнивая старый и новый город, Горький сделал правильный, социально позитивный вывод: «Баку – неоспоримое и великолепное доказательство успешности процесса строения государства рабочих, создания новой культуры». Но доказать этого писатель не смог; сдавленный «социальным заказом», он не смог переступить через себя, вывод оказался совершенно обратным: новый Баку в глазах писателя превратился в город страшной фантастической антиутопии.

«Трудно узнать Баку», – пишет Горький. А вот Тбилиси, куда писатель приехал вечером 23 июля, по мнению писателя, изменился мало. Но по дороге к городу он видит ужасную картину: на месте старых зданий – груды взорванного, раздробленного камня. На ум писателя приходят слова «Тифлис многобалконный» – из стихотворения Я. Полонского «Старый сазандар». Вот эта строфа:

«Земли, полуднем раскаленной
Не освежила ночи мгла
Заснул Тифлис многобалконный
Гора темна, луна тепла».

Разрушительную работу писатель сравнивает с работой чудовища: «огромного буйвола, который ослеп, содрогаясь от ужаса тьмы, идёт прямо и, встречая по пути своему вокзалы, водопроводные башни, разрушает их, подбрасывая вверх, расковыривая рогами, растапывая копытами». Аллюзия на стихотворение Полонского усиливает

метафору, создает контраст спокойно спящего города и уничтожающего его слепого чудовища.

Горький видит, что разрослись окраины – Навтлуг, Дидубэ. Просторнее, чище стало на Авлабаре, который в свое время именовался «азиатской» частью города. Далее Горький рассказывает, что знаменитый сад Муштаид «расширен и превосходно обстроен», музей Кавказа увеличен втрое и «образцово организован», стены расписали «неплохие художники», в витринах «умело размещены флора и фауна». Странно, что Горький говорит о новой жизни Тбилиси «мертвыми» словами, но оживляет музейный экспонат – чучело тигра, случайно попавшего на Кавказ. «В музее – чучело того тигра, который года три или четыре тому назад пришёл откуда-то на Кавказ, вызвал немало страха и был убит, кажется, где-то под Тифлисом. Зверь весьма крупный, у него такие солидные лапы и клыки, но в стеклянных глазах есть что-то недоумевающее и даже смешное, как будто он, в минуту смерти, подумал:

“Вот влопался!”» Невольно возникает вопрос: не напомнил ли тигр писателю самого себя? «Вот влопался!» – так мог думать Горький, путешествуя «По Союзу Советов» в плотном окружении чекистов, под обстрелом острых вопросов и под давлением социального заказа.

Первый ободряющий момент: восстановление социальной справедливости: в Коджорах, на дачах тифлиских богачей – лагеря пионеров, дома отдыха, детские дома. Вместо бараков на Азнефти построены удобные дома с палисадниками.

Проезжая по красивейшей долине Дилижана, Горький вспоминает об армянской резне. В этой части очерка чувствуется влияние классической традиции, а именно пацифистской темы М.Ю. Лермонтова из стихотворения «Валерик». Рассказ о преступлениях против армянского народа перемежается описаниями красот природы – это вызывает обостренное чувство диссонанса между состоянием природы и настроением человека, переполненного злобой и ненавистью. Надо признать, что в описании природы Горький выступает по-прежнему как непревзойденный художник. Его пейзажи полны лиризма и поэзии. «Кажется, что горы обняли и охраняют долину с любовью и нежностью живых существ. На высоте 1500 метров воздух необыкновенно прозрачен и как будто окрашен в голубой мягко сияющий тон. Мягкость – преобладающее впечатление долины. Глубокое русло её наполнено пышной зеленью садов, и дома как бы тихо плывут в зелёных волнах по направлению к озеру Гокче. Южное Закавказье ошеломляет разнообразием и богатством своих красот, эта долина – одна из красивейших в нём. Но на красоту её неустраимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом» [1, с. 327].

Мягкость тона и нежность гор, как будто руками обнимающих долину, контрастируют с кровавыми событиями недавнего прошлого.

Прекрасное по-прежнему не оставляет писателя равнодушным, о чем свидетельствует яркое описание армянского танца: «На эстраду выйдут двое музыкантов в ярких национальных костюмах, двое – большой барабан и пронзительно крикливая дудка, – а за ними выплывает ослепительно блестящее, разноцветное тело – двадцать человек мужчин. Они идут плечо с плечом, держа за спинами руки друг друга, они – единое тело, движимое единой, изумительно ритмически действующей силой. Это тело свёртывается в круг, в спираль, развёртывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, лёгкость и плавность построения фигур всё более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитности. Отдельных танцоров трудно различить, видишь, как пред тобой колеблется ряд красивых лиц, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту – меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и всё время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо, – лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата».

Если внимательно читать очерк, то между строк угадываются весьма драматичные моменты. Один из таких моментов: страх писателей поднимать в своем творчестве национальные темы. Во время беседы в доме грузинских литераторов один молодой писатель так охарактеризовал эту проблему: «Горький хочет перевести нас на смертельный ток».

В общей дружеской обстановке встреч и приветствий звучат отдельные нотки недовольства, непонимания и даже вражды, которые Горький объясняет «эхом старины». К этим отголоскам «грубейшего давления старой власти» писатель относит момент закрепощения женщин: его очень удивило, что на общих собраниях женщин мало. Одновременно с этим Горький ставит вопросы: что будет дальше? Чувствует ли себя рабочий хозяином?

Картины антиутопии при описании настоящего и будущего, причудливое сплетение «лирических отступлений» с пропагандой достижений советской власти, фоновых «беглых зарисовок» вскользь, которые создают многоголосье и полифонию мнений, лозунгов, обращений к читателю, в сочетании с исповедальной интонацией, тоном доверительной беседы с читателем – все это создает довольно сложную структуру произведения.

Внимание к деталям, к авторским ремаркам и «лирическим отступлениям» приоткрывает «подводные течения» агитационного очерка. Мы можем рассматривать очерки «По Союзу Со-

ветов» через двойную призму: через призму тех воспоминаний, которые даны в очерке, а также через призму его статей в провинциальной печати конца XIX века, привлекая материал переписки, мемуары современников.

В очерке о «Кавказских событиях» (1905) Горький признавался в любви к Кавказу: «Я так люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей» [4, т. 23, с. 337]. Его любовь к прекрасному краю, к «красивым и гордым детям» Кавказа осталась неизменной, это нашло выражение в описании картин природы, в полных лиризма воспоминаниях. Но исполняя «социальный заказ», Горький проиграл художественно. Воссоздавая картины прошлого, он не смог противопоставить им адекватную по силе и убедительности картину настоящего. Если бы сбылась мечта писателя и он путешествовал бы в шапке-невидимке, эффект был бы иной. Но он был слишком заметной фигурой, слишком перегружен делами и собраниями, озабочен своей агитаторской миссией, чтобы отделиться личным впечатлением. Поэтому сквозь общий социально-позитивный тон улавливается тревожное настроение, озабоченность, в очерке звучит внутренний диалог писателя с самим собой, который делает очерк не прямолинейно агитационным и дает простор для дальнейших размышлений.

Библиографический список

1. Горький М. По Союзу Советов // Горький М. Мать. По Союзу Советов. – Л.: Лениздат, 1975.
2. Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. – 1929. – № 1. – Январь.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 17. – М.: Наука, 2015.
4. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Наука, 1949–1953.
5. Материалы по царской цензуре о заграничных изданиях сочинений М. Горького и иностранной литературе о нем // М. Горький. Материалы и исследования. Под. Ред. С.Д. Балухатого и В.А. Десницкого. Т. 3. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941.
6. Очерковый цикл М. Горького «Разбойники на Кавказе». Вступит. Статья, подготовка текста и примечания И.В. Киреевой // Публицистика М. Горького в контексте истории. – М.: ИМЛИ РАН, 2007.
7. Пиксанов Н.К. Горький и национальные литературы. – М.: ОГИЗ, 1946. – 324 с.
8. Плещунов Н.С. Максим Горький и Кавказ. – Баку: Издания Наркомпроса Аз ССР, 1939. – 100 с.

References

1. Gor'kij M. Po Soyuzu Sovetov // Gor'kij M. Mat'. Po Soyuzu Sovetov. – L.: Lenizdat, 1975.

2. Gor'kij M. Po Soyuzu Sovetov // Nashi dostizheniya. – 1929. – № 1. – YAnvar'.

3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma: V 24 t. T. 17. – M.: Nauka, 2015.

4. Gor'kij M. Sobranie sochinenij: V 30 t. – M.: Nauka, 1949–1953.

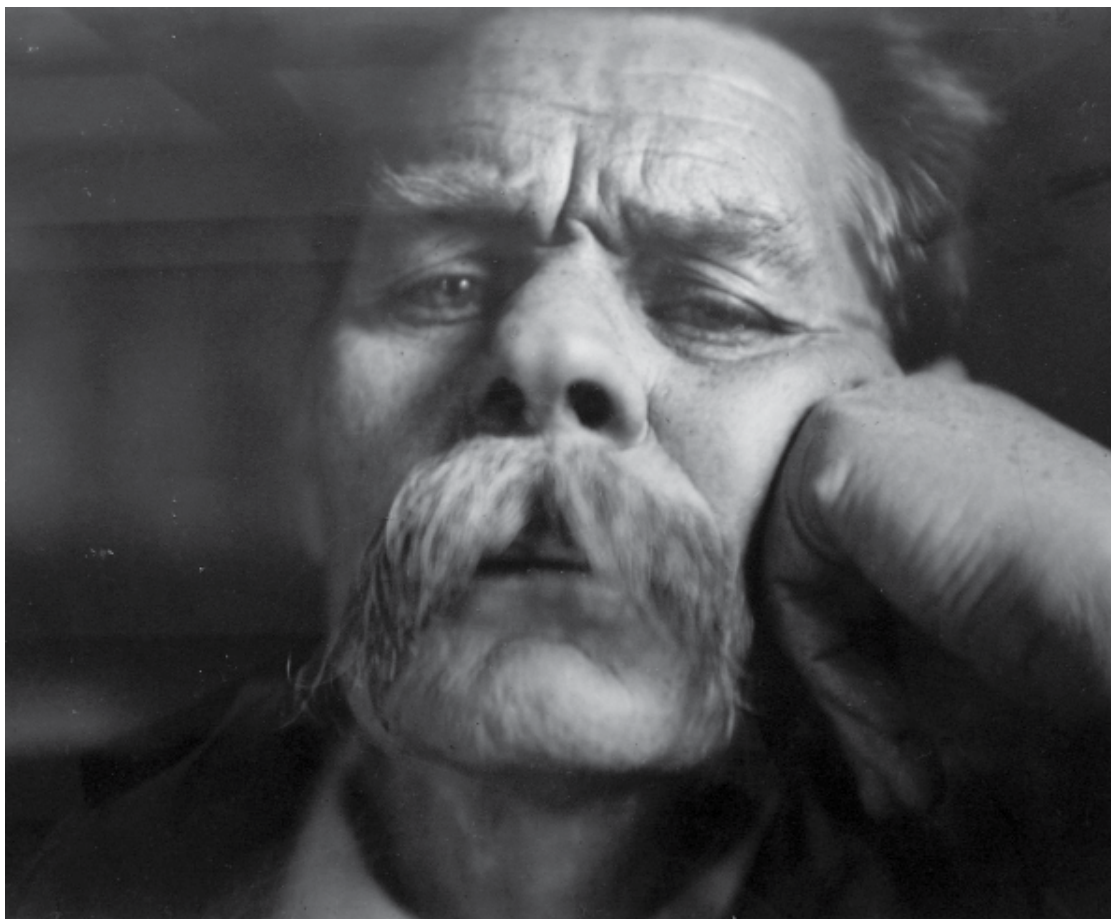
5. Materialy po carskoj cenzure o zagranichnyh izdaniyah sochinenij M. Gor'kogo i inostrannoj literature o nem // M. Gor'kij. Materialy i issledovaniya. Pod. red. S.D. Baluhatogo i V.A. Desnickogo. T. 3. –

M.; L.: Izd. AN SSSR, 1941.

6. Ocherkovyj cikl M. Gor'kogo «Razbojniki na Kavkaze». Vstupit. Stat'ya, podgotovka teksta i primechaniya I.V. Kireevoj // Publicistika M. Gor'kogo v kontekste istorii. – M.: IMLI RAN, 2007.

7. Piksarov N.K. Gor'kij i nacional'nye literatury. – M.: OGIZ, 1946. – 324 s.

8. Pleshchunov N.S. Maksim Gor'kij i Kavkaz. – Baku: Izdaniya Narkomprosa Az SSR, 1939. – 100 s.

М. Горький. Фотография. 1935 г.